

Документальная повесть В. Попова написана в 1995 г. и публиковалась в летних номерах газеты «Солдат России» (орган 201-й МСД). К осени 1995 она была перепечатана газетой «Боевой дозор» (орган ГПВ РФ в РТ) и зачитана целиком в литературной передаче Казахстанского радио (Алма-Ата). В 1996 г. она была опубликована журналом «Пограничник» (№№ 2-5) и вышла в коллективном сборнике Издательства «Граница». За публикацию этой повести автор был удостоен звания лауреата Международной литературной премии Совета командующих погранвойсками стран СНГ.

Владимир ПОПОВ

ПРЕДЕЛЬНО ГОРНЫЙ БАДАХШАН

Опыт практического исследования

1. Когда среди безумного нагромождения камней, в гигантском переломе гор неожиданно появляется мутный поток, бойко несущий игривые воды в злобствующие жаром равнинные пески и еще не успевший растерять свою прыть ввиду близости гор, откуда стекаются многие ручьи, образующие и подпитывающие этот самый поток, методично восполняя талой мерзостью его водную ущербность, плывущую по камням неведомо куда, — можно увидеть на берегу там и сям торчащие деревья. Это называется оазис.

В густой тени таких деревьев хорошо отдыхает человеку и ишаку. А так как любимое занятие человека и ишака это отдыхать, то непременно увидишь на берегу и глинобитные постройки, предназначенные для этой цели. Они назывались бы селением где-нибудь в другом, более приспособленном для жизни месте. Но здесь они также называются — оазис.

Человеческие жилища постепенно вытесняют деревья на берегу, душат их гарью «оседлой цивилизации» и в конце концов переводят на отопление. А чахлые их заменители, предназначенные для производства фруктово-ягодных плодов на продажу, хоть и вносят определенный смысл в человеческое существование здесь, все же не дают уже ни тени, ни прохлады, ни какого-либо серьезного успокоения. И остаются тут в конце концов только голые нагромождения жилищ под скалами да все тот же мутный и загрязненный горными выделениями поток. Но это все равно называется оазис.

В такую вот природную радость и попадаешь, когда вынырываешь из беспорядочного нагромождения горных хребтов в узкую расщелину, по которой струится пограничный Пяндж, разделяющий жилую зону Памира на два суверенных образования — Таджикистан и Афганистан. Вертолет заносит то на одну суверенную сторону, то на другую, то просто вгоняет надвинувшимися скалами в узкое русло реки и тащит, тащит вверх по течению, навстречу нисходящему потоку.

И первое, что удивляет тут — оазис оказывается зоной вовсе не однородной. На многие километры — скалы, скалы, скалы по обеим сторонам потока, безжизненная дикость коридора, унылость вертикального пространства, труба. И вдруг — жизнь, где-нибудь за поворотом, на изгибе реки, на веками намытом грунте. В тогда радуешься каждому появившемуся под бортом кишлаку из нескольких невзрачных до убогости домишек — будь то на афганской стороне или на таджикской, и умиляешься, глядя, как скучились убогие постройки на глиняных наносах у реки, как лижут камни рассосавшиеся по склонам овцы, как дружно зреют посевы конопли на делянках, и копошится бородатый люд — кто на подворье с кетменем, кто на позиции с лопатой, кто у зенитной установки.

На нашей стороне, как правило, никто не копошится.

2. Архипелаг микрооазисов, из которых состоит жилая зона Горного Бадахшана, соединен между собой не только капризной водной магистралью (ее можно использовать только поперек, но никак не вдоль), но еще и узкой дорогой вдоль Пянджа, отстроенной в незапамятные времена коллективного энтузиазма. Построена она, естественно, на нашей стороне, ибо на той стороне подобного энтузиазма в истории не наблюдалось. Тем не

менее, владение этой магистралью многое дает обладающему таким правом, и потому вокруг дороги давно ведется сыр-бор между различными бандформированиями и российскими пограничниками за право беспрепятственно перемещаться по ней, а значит, и контролировать зону, и, при желании, хозяйничать в ней.

Для человека заезжего свободное перемещение по дороге дает и то преимущество, что позволяет достаточно хорошо изучить массу мелких оазисов вдоль реки и составить представление о всем регионе в целом. А если повезет — то и успеть полюбоваться плодами многолетнего сотрудничества Памира с Россией (в этом году исполняется 100 лет со дня добровольного присоединения Памира к России и 5 лет со дня добровольного отсоединения России от всяческих там памиров). Если, конечно, повезет.

Мне в этом плане «повезло» неоднократно.

3. Удача косяками не ходит. И если раз здесь в чем-то повезет — будь уже доволен и не жди удачи каждый день. Косяками здесь ходят бандформирования. Вместе с многими ручьями они стекаются с гор в долину реки Пяндж, переходят границу и вкладывают имеющиеся у них силы и средства в освоение каждого оазиса и всего региона в целом. С перспективой, разумеется, использовать Горный Бадахшан в качестве плацдарма для дальнейшего распространения своего влияния. Основным препятствием на пути осуществления этой деятельности они считают присутствие здесь российских пограничных войск. Основные надежды возлагают на поддержку и преданность местных бандгруппировок и отрядов самообороны, руководство которых давно находится под влиянием ДИВТ.

Сами по себе жители Горно-Бадахшанской автономной области никогда не были однородной массой. Они разделялись на рынцев, ваханцев, шугнанцев, рушанцев, язгулемцев, дарвазцев и т.д. и т.п., отличались друг от друга языком, обрядами, традициями, отдельными обычаями. Теперь это стерлось. Теперь они делятся только на тихих и буйных. Причем бацилла буйства, вскормленная на площадях и политических аренах Таджикистана, к столетним связям Памира с Россией прямого отношения не имеет, она была занесена сюда пришлыми группами борцов за чистоту веры и исламское возрождение Таджикистана.

Таджиков всегда считали евреями Средней Азии. Долгое время, не имея собственной государственности (древнее государство таджиков было разрушено ныне здравствующими кочевыми племенами), они служили визирями при дворах правителей других стран, считались хорошими советниками, наставниками, учителями, отличались грамотностью, лучше других разбирались в науках, искусствах, финансах, составляли основу так называемой интеллигенции и сумели сохранить в веках культуру и литературный язык древних предков.

С возникновением таджикского государства в 1924–1929 гг. они оказались предоставлены сами себе, у них, обобранных территориально и потерявших большую часть населения в результате своеобразно проведенной переписи, появилась наконец возможность выразить себя, реализовать свою теоретическую подготовленность на практике. И они споткнулись. Они наткнулись на собственный, веками выработанный комплекс неполноценности, болезненно помноженный на комплекс превосходства. Перехитрить самих себя оказалось невозможно. Идеи объединения таджиков (как и идеи объединения евреев) для подлинного объединения оказалось недостаточно, ее нужно было подкрепить чем-то более существенным. А существенного не находилось. Преклоняясь перед собственным прошлым, они настолько отстали от настоящего, что ни о каком будущем таджикской государственности уже не могло быть и речи. И вину за это они стали искать в других. А когда другие благоразумно отвернулись от них, начались межклановые разборки внутри нации, истеричные поиски крайнего, приведшие к гражданской войне и открывшие период бесконечной борьбы за власть, которая по сути им и не нужна, ибо никому из них с ней не справиться. Им нужна только «власть» выбирать себе хозяина, которому они могли бы служить и при ком могли бы кормиться, как они это делали веками. Но признать это вслух они никогда не решались.

Иное дело Памир. Памирские народности (часто это жители одного кишлака или ущелья) всегда были в некоторой оппозиции к основному Таджикистану, таджиками (за исключением дарвазцев) себя не считали и давно уже боролись за свою автономию (не в рамках области, а в рамках республики). И когда Бадахшан не получил ожидаемый статус республики, когда плачевно закончились поражением в гражданской войне их попытки закрепиться в равнинных районах Таджикистана, когда оказались разрушены их особые отношения с Россией, когда к власти в Душанбе пришли их исконные враги и конкуренты кулябцы, когда горные районы оказались в фактической блокаде и беспомощности, а руки зудели от желания ухватить хоть что-нибудь для себя в этом раздираемом на части мире, когда другие взлетают, а горному орлу... — что им оставалось делать?

На эту почву и было брошено семя.

4. В первый раз за время смуты меня занесло на Памир в январе 1993 года. Оный хадж я совершил по ошибке. Пограничный вертолет, на котором я намеревался попасть в Московский отряд, решил прежде залететь в Хорог. На обратную дорогу горючки не хватило, и мы от Калай-Хумба развернулись обратно, где и застряли на несколько дней.

Столица Горного Бадахшана в то время представляла собой зрелище довольно неприглядное. Памир был наводнен беженцами. В каждом домике, в каждой семье жило по 35-40 человек. Население Бадахшана увеличилось в несколько раз. Предприятия не работали, продуктов питания катастрофически не хватало, электричества не было, царил собачий холод, отопление не включалось вообще. По центральной улице Хорога, не обращая внимания на красочно выполненный призыв «Слава труду!», слонялись толпы ничем не занимающихся граждан и предавались торжеству демократии, обвал которой начался на Памире в конце 92-го.

Одни бежали сюда еще осенью, когда началось наступление Народного фронта (состоящего в основном из кулябско-гиссарских формирований) на Курган-Тюбе и в Душанбе. С самого начала событий памирцы выступили на стороне оппозиции, хотя всегда были исмаилитами и с таджиками-суннитами (а тем более с вахабитами) их ничего не связывало; должно быть, сказались мечтания о национальном самоопределении. Эти справедливо полагали, что никакого самоопределения без экономической базы быть не может, и потому вывозили с собой изысканную на равнинах технику и заводские товары со складов готовой продукции. В результате некоторые родовые гнезда на Памире оказались настолько плотно заставлены легковыми автомобилями без номеров и разной трофейной утварью, что можно было подумать и о действительном возрождении горного края.

Другие — в основном это бойцы ОМОНа, СБОНа и прочих милицеских образований, созданных при министре Навжуванове в системе МВД исключительно из памирцев для активной поддержки рвущейся к власти оппозиции, — после поражения в гражданской войне бежали на Памир в порядке отступления или дезертирства. Эти вывозили с собой оружие, деньги и планы мщения за поруганную милицескую жизнь, на которую возлагалось столько надежд.

Третьи оказались здесь, опасаясь возмездия за незаконно занятые в городах квартиры и предчувствуя дискриминацию от новых властей по национально-автономному признаку.

Четвертые отступали сюда в результате кровопролитных боев в Рамитском ущелье и Гармской группе районов, выбираясь через Калай-Хумб поближе к дружественному Афганистану, где рассчитывали найти поддержку и участие многоопытных братьев; и коренных памирцев среди них было мало.

Но основную массу (и здесь уже практически не было памирцев) составляли те, кто в результате победоносного шествия бронированных формирований Народного фронта по долинам и по взгорьям изгонялись из своих жилищ на юг Курган-Тюбинской области, в Пяндж и далее в Афганистан. Даже после расстрелов и массовых уничтожений таких насчитывалось сотни тысяч, и многие из них шли по тылам сопредельного государства к верховьям Пянжда, чтобы выйти через перевалы к границе в районе Ишкашима, где находится единственный постоянный мост через пограничную реку. Здесь они проходили осмотр, досмотр, удостоверяли личность и оказывались на территории ГБАО, откуда надеялись выбраться по Памирскому тракту через Киргизию в Россию или каким-либо другим путем вернуться на родину.

Вместе с беженцами из Афганистана выходили к пропускному пункту и крепкие упитанные ребята, прошедшие специальную подготовку в лагерях и на базах. Эти предъявляли документы, садились в ожидавшие их автобусы и, под предлогом посещения родственников, ехали через Калай-Хумб на Гарм, вглубь республики, где вооружались и шли в бой. Горный Бадахшан служил для них всего лишь перевалочной базой, и оснований для их задержания у пограничников не было.

Как, в принципе, не было оснований и для вмешательства во внутренние дела суверенного государства — ни в равнинных оазисах Таджикистана, ни на этой пошатнувшейся «Крыше мира».

5. Памир бурлил. Все ждали весеннего наступления формирований Народного фронта на отчие земли и призывали друг друга и гостей опередить противника, выступить вперед, чтобы с первыми лучами весеннего солнца, на волне подтаявших снегов обрушиться на него с гор и задавить в зародыше, как это делает горный орел над взбунтовавшимся курятником, если чувствует недостаточно почтительное отношение к себе и подозревает оскорбление собственного достоинства. Но обилие вожakov и постоянные криминальные разборки между бандами привели к обычной кадровой неразберихе, что не позволило скоординировать действия и распределить лавры первенства в предстоящих баталиях. В горном стане явно не хватало единоначалия.

У пограничников к тому времени, наоборот, только единоначалие и осталось. Все остальное приходилось менять на ходу. И Сергей Нероев (тогда еще подполковник и начальник Хорогского погранотряда) в нелегких условиях перестраивал службу на вверенном ему участке, в этой предельно криминогенной пограничной зоне, на передовом рубеже разлома.

Людей катастрофически не хватало. Из старых офицеров, прослуживших здесь не один год и знающих участок, оставались единицы, основу составляли прикомандированные на три месяца из разных уголков России. С рядовым составом дело обстояло еще хуже: из России сюда уже никого не присылали, контрактная система еще не прижилась, призывать местное население было бесполезно, не до того им тогда было. На заставах оставалось по несколько русских ребят прежнего призыва и приданные им для усиления киргизы.

За все время пребывания там мне не удалось встретить ни одного офицера, который хорошо бы отзывался о киргизских военнослужащих. Они не были пограничниками, не знали условий службы на заставах и не хотели